

Никифору. Первые следы его использования заметны также в рассказе о времени Лакапина, а для царствования Константина Багрянородного, Романа II и Никифора Фоки этот источник является главным, уступая свое место только что охарактеризованному труду лишь с момента описания начала борьбы Иоанна Цимисхия со Святославом.¹ Составитель этого также несохранившегося памятника отличался узко церковным мировоззрением. Он относится ко всем событиям и лицам только с клерикальной точки зрения, противопоставляя порой церковные интересы государственным.² Вместе с тем, нет оснований считать этот труд произведением простого монаха: консервативный аристократизм (проявляющийся в возмущении тем, что при Константине Багрянородном высокие государственные посты замещались иногда людьми простого происхождения), а также хорошее образование заставляют скорее предполагать в авторе крупного чиновника, постригшегося после неудачи на служебном поприще, при императоре Константине.³

Это наблюдение позволяет приблизительно установить время составления второго источника Скилицы — скорее всего его можно отнести к первым годам после смерти Цимисхия.⁴ По своему характеру этот утраченный источник мог, конечно, быть, согласно предположению Сюзюмова, продолжением составленной при Романе Лакапине церковной истории, сведения о которой приводит де Боор, но ввиду того, что эта последняя известна по одному заглавию, такое мнение остается недоказуемым.⁵

Использование двух произведений, близких по времени возникновения к описанным в них событиям, совпадающих в значительной части по содержанию и различных по тенденции и подходу к материалу, а также по системе хронологических показаний, делает хронику Иоанна Скилицы важным историческим документом, независимо от того, воспользовался ли Скилица трудами своих неизвестных предшественников или он нашел их уже соединенными в каком-либо томе не дошедшем до нашего времени труде. Несмотря на обычную для византийских хронистов неряшливость приемов литературной работы, из текста хроники можно получить представление об ее источниках, а сравнение с „Историей“ Льва Диакона показывает, что малопритязательный позднейший хронист (В. Г. Васильевский называет его „добросовестным и почтенным компилятором“) оказался более внимательным, аккуратным и подробным, чем претенциозный современный историк.⁶

Рассмотрение источников Скилицы подводит нас вплотную к вопросу об источниках „Истории“ Льва Диакона. Уже Г. Вартенберг, вопреки мнению подавляющего большинства ученых, которые не сомневались,

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 392.21 сл.; ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 372—374; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 128, 132.

² Scylitza (Cedrenus), t. II, 326.20—23; 332.6—335.23; 351.20—352.18, 367.22—370.12; особенно p. 359.20 сл.; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 128—129.

³ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 325.21—326.7; ср. Похвалу Константину Багрянородному за его любовь к наукам, стр. 326.8—20; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 131.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 130. Вряд ли, впрочем, вообще на письменном источнике основан рассказ о наездничестве Филорея [Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 343.3—9]; что касается места о Фокадах (p. 330.3 сл.), то оно скорее восходит к общему со Львом источнику.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 134; см. также С. de Boor. Zur kirchenhistorischen Literatur, BZ, Bd. V, 1896, S. 16 f.

⁶ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 64—68; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 166 и др.; ср. мнение К. Крумбахера (Ук. соч., стр. 366), который, в противоречии с собственным резким отзывом о хронисте, все же вынужден отметить у него и живой интерес к прошлому, и „почти ясное“ понимание цели своего труда, и умение использовать источники, и, наконец, знание запросов своего времени.